

Мониторинг избирательного законодательства: тенденция к ограничению избирательных прав граждан

Какителашвили М.М.*

Ключевые слова: ограничения избирательного права, пропорциональность ограничения избирательных прав, активное и пассивное избирательное право, пропорциональная избирательная система, выборы.

Аннотация.

Цель статьи: обоснование гипотезы о наличии законодательной тенденции к несоразмерному ограничению избирательных прав граждан.

Методология исследования: общенаучные методы познания (диалектический, анализа и синтеза и другие), а также социологический, исторический, сравнительно-правовой, формально-правовой и другие.

В результате анализа изменений вносимых в законодательство о выборах в период с 1993 по 2019 год, автор приходит к выводу о наличии общей тенденции ограничения активного и пассивного избирательного права граждан, выразившейся в: отмене прямых выборов членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; ограничении прямых выборов глав субъектов Российской Федерации; доминировании пропорциональной избирательной системы на всех уровнях выборов в органы государственной власти и местного самоуправления; замене прямых выборов глав муниципальных образований населением избранием представительным органом; ограничении активного избирательного права военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, в органы местного самоуправления; ограничении пассивного избирательного права граждан, имеющих второе гражданство либо вид на жительство в иностранном государстве, а также лиц, которые имеют счета и вклады в иностранных банках, расположенных за пределами территории России; введении дополнительных ограничений для осужденных, имеющих неснятую и непогашенную судимость за определенные составы преступлений, а также подвергнутых административному наказанию за совершение административных правонарушений экстремистской направленности и другое.

Автор приходит к выводу, что ограничения активного и пассивного избирательного права должно устанавливаться только конституционным актом. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам ограничения избирательного права граждан, как представляется автору, неоднозначна и противоречива.

Предложенные выводы могут использоваться для совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики.

DOI: [10.21681/2226-0692-2019-4-41-45](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-41-45)

Начиная с принятия 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) и по настоящее время, наблюдается общая тенденция законодательного ограничения активного и пассивного избирательного права граждан, а практика Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) только усугубляет такое положение вещей.

Конституция РФ содержит перечень ограничений пассивного и активного избирательного права. Так, ограничены в своих избирательных правах недееспособные граждане и граждане, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы (часть 3 статьи 32).

Конституция РФ устанавливает возрастной ценз, ценз гражданства и ценз оседлости (часть 2 статьи 81, часть 1 статьи 91), допуская при этом (часть 3 статьи 55) введение иных ограничений в целях защиты основ кон-

ституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Возможность установления дополнительных ограничений избирательных прав федеральным законом вызывает определенные споры в правоприменительной практике¹ [2]. Однако позиция Конституционного Суда РФ заключается в том, что такое регулирование представляется не только возможным, но и необходимым

¹ См., напр.: особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Конова к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 52. Ст. 6533.

* Какителашвили Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: mmk2010@yandex.ru

в целях защиты конституционно значимых ценностей, при условии обеспечения соразмерности накладываемых ограничений целям защиты публичных интересов государства².

Законодатель, основываясь на нормах статьи 55 Конституции РФ и позиции Конституционного Суда РФ, в течение 25 лет построения современного российского конституционализма вводил все новые, несоразмерные целям защиты публичных интересов государства, ограничения избирательных прав граждан.

Проиллюстрируем эту тенденцию на следующих примерах.

Во-первых, в заключительных и переходных положениях Конституции РФ указано, что первый состав Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Совет Федерации) на два года избирается гражданами, а далее порядок формирования Совета Федерации устанавливается отдельным законом.

За истекшие 25 лет опробовано четыре способа формирования Совета Федерации [8]. Ныне действующий федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает формирование Совета Федерации на основе волеизъявления избирателей субъектов Российской Федерации, но в порядке наделения полномочиями члена Совета Федерации соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации (статья 1). Конечно же, никакого прямого волеизъявления граждан нет. Более того, 10 % от числа членов Совета Федерации назначаются Президентом Российской Федерации (часть 2 статья 95 Конституции РФ).

Во-вторых, общественный резонанс получило ограничение избирательных прав граждан на выборах глав субъектов Российской Федерации, которые проходили в период с 1991 г. с перерывом с 2005 по 2011 год.

Социологические опросы всегда показывали, что большинство россиян хотели бы сами выбирать руководителей своих регионов³. Так, например, проведенный в июне 2011 г. Фондом общественного мнения опрос про отношение к установленному порядку назначения гу-

бернаторов показал, что 40% респондентов он не устраивает⁴.

Институт прямых выборов глав субъектов Российской Федерации вводился, ограничивался и, наконец-то, остался на усмотрение самих субъектов Российской Федерации, однако была введена процедура сбора подписей депутатов представительных органов муниципальных образований в поддержку кандидатов на должности глав регионов (так называемый «муниципальный фильтр»)⁵, предусмотренный п. 17—20 статьи 37 и п/п «д» п. 24 статьи 38 федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях избирательных прав)⁶.

Нормы, ограничивающие прямые выборы глав регионов, в разное время по-разному были оценены Конституционным Судом РФ. Так, в своем Постановлении от 18 января 1996 года № 2-П⁷ Конституционный Суд РФ признал порядок избрания главы администрации Законодательным Собранием Алтайского края не соответствующим Конституции РФ, указав, что «Законодательное Собрание превращено в своеобразную избирательную коллегию, решение которой подменяет прямое волеизъявление избирателей. Избранный в таком порядке глава администрации не может считаться легитимным независимым представителем исполнительной власти, поскольку ни законодательная, ни исполнительная власть не вправе определять одна для другой ее представителя, в том числе в федеральных органах». Однако в Постановлении от 21 декабря 2005 года № 13-П⁸ Конституционный Суд РФ нашел легитимным новый порядок приведения к должности главы субъекта Российской Федерации, мотивировав: «федеральный законодатель вправе избирать наиболее эффективные и соразмерные конституционным целям механизмы организации государственной власти, в том числе при наделении полномочиями органов государственной власти и должностных лиц».

⁴ URL: <http://fom.ru/Politika/10092> (дата обращения: 01.10.2019).

⁵ Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 19 (поправка).

⁶ О соответствии статьями 37 и 38 Закона об основных гарантиях Конституции РФ см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 года № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. 53 (ч. 2). Ст. 8062.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 4. Ст. 409.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 336.

² Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 года № 797-О-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 52. Ст. 6533; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июня 2010 года № 757-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями подпункта «г» пункта 3.2 статьи 4 и подпункта «ж» пункта 7 статьи 76 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Центра избиркома РФ. 2010. № 7; Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 года № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5622.

³ URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=617&q_id=44589&date=06.09.2009 (дата обращения: 01.10.2019).

В-третьих, тотальное внедрение пропорциональной избирательной системы на федеральном⁹, региональном¹⁰ и муниципальном¹¹ уровнях.

Пропорциональная (партийная) избирательная система применяется во многих странах мира и преследует законную цель обеспечить соразмерное представительство различных политических мнений в представительном (законодательном) органе власти.

Однако, несоразмерное внедрение пропорциональной избирательной системы в России[6] привело к ограничению избирательных прав граждан, выразившемся в лишении их возможности отдать свой голос за непартийных кандидатов или кандидатов от партий, не прошедших «заградительный барьер»¹². Применяемая правовая модель пропорциональной системы также создает ограничения для права граждан быть избранными, поскольку их выдвижение в качестве кандидатов начинает зависеть не от их собственного желания и поддержки населения, а от решения руководящих органов партии о включении их в списки кандидатов от партии.

В-четвертых, замена прямых выборов глав муниципальных образований населением избранием представительным органом¹³. При этом, как отмечалось в определении Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2002 года № 26-О¹⁴, местное сообщество может вообще не предусматривать в своем уставе должность главы муниципального образования — выборного должностного лица, так как из Конституции РФ (статья 130, часть 1) якобы вытекает обязательность наличия лишь выборных органов местного самоуправления муниципальных образований; иные органы и должностные лица местного самоуправления образуются в соответствии с уставами муниципальных образований¹⁵.

В-пятых, Закон об основных гарантиях избирательных прав (пункт 5 статья 17) лишил военнослужа-

щих, проходящих военную службу по призыву, право выбирать органы местного самоуправления, если местожительства этих военнослужащих до призыва на военную службу не было расположено на территории этого муниципального образования. В Федеральном законе от 6 декабря 1994 года № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»¹⁶ такой нормы не было.

Военнослужащие проходят службу в определенной местности. Во многом именно от местных органов власти зависит, как будет обустроен быт военнослужащих, организовано их питание и проживание, обеспечение водой, электричеством, газом, как будут решены вопросы социально-культурной сферы; если при выборах в органы местного самоуправления в списки избирателей не включать военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в воинских частях, которые расположены на территории соответствующего муниципального образования, не учитывать их мнение, то нельзя говорить о полной реализации демократических основ, заложенных в Конституции Российской Федерации [1].

В-шестых, основанием для лишения пассивного избирательного права стало наличие у гражданина Российской Федерации иностранного гражданства либо вида на жительство, дающего право на постоянное проживание в иностранном государстве¹⁷.

Во исполнение Федерального закона от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (далее — Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ) из числа субъектов пассивного избирательного права исключены лица, которые имеют счета и вклады в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (пункт 3.3 статья 33 Закона об основных гарантиях избирательных прав). В Федеральном законе от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ четко прописаны конституционные цели, ради которых осуществляется такое ограничение конституционного права — обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Однако нам видится в этом непоследовательность законодателя, поскольку Закон об основных гарантиях избирательных прав допускает, например, участие в муниципальных выборах иностранных граждан (пункт 3 статья 17).

В-седьмых, под лозунгом борьбы с преступностью введены дополнительные ограничения для лиц: 1) осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; 2) осужденных к лишению свободы за совершение тяжких

⁹ Статья 3 Федерального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 740.

¹⁰ Закон об основных гарантиях избирательных прав (п. 16 ст. 35).

¹¹ Закон об основных гарантиях избирательных прав (пп. 18—20 ст. 35).

¹² Заградительный барьер (процентный барьер, избирательный порог) — доля голосов на пропорциональных выборах, получив которую, список участвует в распределении мест (п. 16 ст.35 Закона Об основных гарантиях).

¹³ Пункт 2 статьи 36 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁴ Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2274.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2001 года № 26-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганской областной Думы о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ». № 4. 2002.

¹⁶ Утратил силу.

¹⁷ Федеральный закон от 25 июля 2006 года № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к замещению государственных и муниципальных должностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3427.

преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости; 3) осужденных к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости¹⁸; 4) осужденным за преступления экстремистской направленности¹⁹.

В обществе сложилось неоднозначное отношение к таким ограничениям. Так, интересный прецедент произошел на выборах в органы местного самоуправления в Калининградской области. Д. Оснач — член запрещенной национал-большевистской партии — был осужден по части 2 статьи 212 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁰ («Участие в массовых беспорядках») на 3,6 года лишения свободы. После условно-досрочного освобождения, Оснач уже в октябре 2007 г. побеждает на выборах депутатов муниципального совета Большеисаковского сельского поселения Гурьевского района, хотя сам кандидат и не скрывал своей судимости, а избиратели хорошо знали, за кого они голосуют, но, тем не менее, посчитали его достойным для избрания депутатом.

Избирательная комиссия не имела права регистрировать кандидата в депутаты, осужденного за совершение преступления экстремистской направленности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющего на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость (подпункт «б» пункта 3.2. статьи 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав). В этой связи органы прокуратуры были вынуждены подать заявление в суд об отмене решения избирательной комиссии об избрании Д. Оснача и итогов выборов в целом.

В-восьмых, изменения, внесенные²¹ в Закон об основных гарантиях избирательных прав, ограничивают в пассивном избирательном праве лиц, подвергнутых наказанию за совершение административных правонарушений — пропаганду и публичное демонстрационное нацистской атрибутики и символики и за производство и распространение экстремистских материалов.

¹⁸ Статья 1 Федерального закона от 05 декабря 2006 года № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 21 февраля 2014 года № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5303.

¹⁹ Статья 7 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 19 (поправка).

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

²¹ Статья 7 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 19 (поправка).

Понятие экстремизма как правовой категории широко обсуждалось с критических позиций в научной литературе [5]. Практика показала несовершенство понятийного аппарата в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Закон о противодействии экстремистской деятельности).

Предусмотренный в Законе о противодействии экстремистской деятельности (пункт 1 статьи 1) термин «социальная рознь» позволяет представить любое социальное выступление кандидата во время избирательной кампании как экстремистскую деятельность. А это используется на выборах нередко против «нежелательных» кандидатов.

В-девятых, к сожалению, региональный законодатель также ограничивает избирательные права граждан. Самым ярким примером стало установление в избирательном законодательстве субъектов Российской Федерации языкового ценза [4].

Так, с 1993 г. в ряде конституций субъектов Российской Федерации содержатся нормы, нарушающие конституционные основы равенства при избрании на пост высших должностных лиц субъектов Российской Федерации требованиями обязательного знания второго государственного языка.

Так, согласно статье 86 Конституции Республики Башкортостан, глава Республики «обязан владеть государственными языками Республики Башкортостан», то есть русским и башкирским.

В конституциях республик Бурятия (статья 73), Коми (статья 82), Марий Эл (статья 78), Татарстан (статья 93), Саха (Якутия) (статья 71), Чувашия (статья 71) действуют нормы, указывающие на обязанность принесения присяги лицами, избранными на должность главы субъекта Российской Федерации, на двух государственных языках этих республик.

Вопрос о знании языков кандидатами на выборах Президента Республики Татарстан²² поднимался еще в 2001 году. В Конституции республики указано, что президентом может быть избран гражданин, «владеющий государственными языками». Знание языков предусматривает и имеющий силу федерального закона договор о разграничении полномочий между Татарстаном и Российской Федерации. Действовавший в тот период закон «О выборах президента Татарстана» был оспорен в суде, и положение, обязывающее президента знать оба языка, было отменено, однако норма осталась в Конституции республики. В 2015 году состоялись выборы главы Республики Татарстан. Указанные нормы послужили основанием инициации проверок знания татарского языка кандидатами, выдвинутыми на должность главы республики²³.

²² Татарстан — единственный субъект Федерации, который в нарушение Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 406-ФЗ «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 18) в наименовании должности главы республики содержит слово «Президент».

Данные ограничения избирательного права граждан никак не могут быть признаны соразмерными и иметь целью обеспечение сохранения национальной культуры или языка.

Рамки статьи не позволяют представить полный перечень ограничений избирательных прав граждан России, введенных в законодательство после принятия Конституции РФ.

Так, нами обосновывалось, что косвенно установлен имущественный ценз — без значительных финансовых средств трудно избираться в органы государственной власти [4].

Все перечисленные законодательные изменения, ограничивающие пассивное и активное избирательное право граждан, достойны отдельного рассмотрения, но целью статьи было выявить общую законодательную тенденцию.

Необходимо заметить, что введения дополнительных ограничений на конституционное право быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления должны устанавливаться только конституционным актом, но никак не законами, принятыми простым большинством. А ведь указанные изменения, ограничивающие конституционные права граждан, были внесены даже не федеральным конституционным законом, а федеральным законом.

Формально законодатель может ограничить избирательное право в любом объеме, но в результате происходит выхолащивание его содержания.

В целом, рискнем предположить, что доверие граждан к избирательной системе уменьшается [7].

Законодательное ограничение избирательных прав должно быть соразмерно тем целям, ради которых оно осуществлено, и не приводить к утрате основного содержания конституционного права.

Продолжение тенденции ограничения избирательного права граждан, «затягивание гаек» может обернуться крахом избирательной системы, поскольку нарушаются конституционные основы.

Подводя итог, выскажем ряд предложений.

Во-первых, полагаем, Конституционному Суду РФ следовало бы занять наступательную позицию при рассмотрении дел связанных с ограничением избирательных прав, основываясь на ранее выработанной позиции, что такое регулирование возможно только при условии обеспечения соразмерности накладываемых ограничений целям защиты публичных интересов государства. В противном случае, федеральная законодательная власть в этой сфере общественных отношений оказывается абсолютной и беспредельной.

Во-вторых, степень ограничения избирательных прав устанавливается самим федеральным законодателем при принятии конкретных законов. По этой причине деятельность федерального законодателя должна четко регламентироваться правовыми нормами и подчиняться ясно сформулированным принципам. Принцип соразмерности должны быть включен в новую модель избирательной системы в Российской Федерации, о необходимости которой говорится давно.

Литература

1. Гранатович А.В. К вопросу о реализации избирательных прав военнослужащих // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3. С. 81—90.
2. Должиков А.В. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 80—112.
3. Какителашвили М.М. Некоторые проблемы современного российского федерализма // Законы России: опыт, анализ, практика. № 8. 2015. С. 89—94.
4. Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации. М. : Галлея Принт, 2017. 264 с.
5. Какителашвили М.М. Мониторинг правоприменения в избирательной сфере и работа органов прокуратуры // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 16—26.
6. Лукьянова Е.А., Порошин Е.Н. Классификация поправок в избирательное законодательство как маркер целей и задач власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 29—37.
7. Макаренко Д.Г. Доверие как элемент правового сознания общества // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4 (37). С. 158—160.
8. Миерхольд А.А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Lex russica. 2018. № 11. С. 134—144.

²³ По утверждению начальника правового управления Государственного Совета Татарстана (далее — Госсовет) А. Ощепкова: «Безусловная обязанность всех кандидатов и государственных органов — соблюдение федерального закона и конституции Татарстана». Спикер Госсовета Ф. Мухаметшин посчитал, что высшее должностное лицо Татарстана представляет не только «свою республику, но и вторую по численности национальность РФ — татар». Вице-спикер Госсовета Ю. Камалтынов предположил, что ЦИК республики может провести процедуру определения степени владения языком, если у комиссии или избирателей возникают сомнения в языковых компетенциях кандидатов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2763911> (дата обращения: 01.10.2019).